

Москва

6

2016

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив

журнала «Москва»

6

2016

16+

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Владимир КРУПИН. Неделя в раю. Записки паломника	3
Михаил ПОПОВ. Блеск глаз. Стихи	41
Юрий ЛОПУСОВ. Спичка. Рассказ	48
Михаил ГУЦЕРИЕВ. Метаморфозы гармонии. Стихи	64
Алла КИСИНА. Житие Натальи Петровой. Повесть	71
Юрий МОГУТИН. Затерянный поселок. Стихи	108
Павел ПОЛОГИЙ. Амфиболия. Рассказы	115

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий АЛЕКСЕЕВ. Жестокий проект	127
Андреа ДЖАННОТТИ. Вина молчания	134
Патрик ПОППЕЛЬ. Притеснение христиан в ЕС	137
Сергей ЕРМОЛИН. Футбольный фанатизм	141

КУЛЬТУРА

Мария БУШУЕВА. По страницам литературных журналов-2016	153
Вячеслав ОГРЫЗКО. Владимир Солоухин	158
Лев АНИСОВ. Михаил Юрьевич Кугач	173
Яна ДЖИН. Иосиф Бродский — двадцать лет спустя	187
Ирина СВИСТУНОВА. От Стамбула до Каппадокии	194

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Валентина ФИЛАТОВА. Сын Малой и Великой родины. — Александр АЛЕКСЕЕВСКИЙ. «Не хочу умирать с тем, чтобы меня все забыли». — Оксана ЛИПИНА. «Господь близко, если позовешь Его, Он сразу откликнется». — Надя КАРПОВА. Знаменитый рисунок знаменитого мастера. — Галина ЩЕРБОВА. Нет предела несовершенству...	205
---	-----

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Александр ВАСЬКИН. **Оплот культуры и просвещения:
к истории Благодородного собрания Москвы** 217

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Протоиерей Владимир ПРАВДОЛЮБОВ. **О подготовке
ко Святому причащению** 224
Алексей БЕКОРЮКОВ. **Утверждение теологии в качестве
научной специальности: критический анализ
позиции религиоведа Бориса Кнорре** 231

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Отдел культуры О.Ю. ТАРАНЕНКО (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), епископ ТИХОН (ШЕВКУНОВ),
И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 26.05.16. Формат 70x108 1/16. Бумага типографская № 2. Печать офсетная.
Тираж 21 230 экз.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, 15612 — «Пресса России», 45211 — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

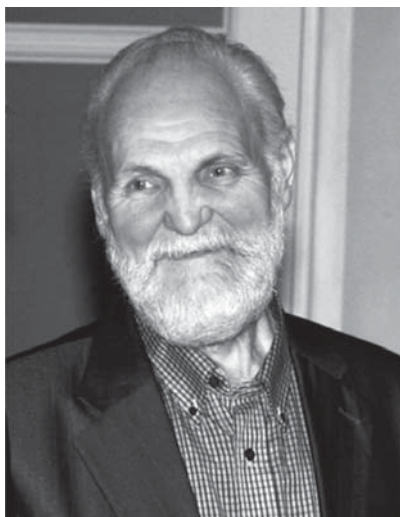
Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография» Филиал «Чеховский Печатный Двор». 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1. Сайт: www.chpd.ru; e-mail: sales@chpk.ru, 8(495) 988-63-87.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 6, 2016

ВЛАДИМИР КРУПИН

НЕДЕЛЯ В РАЮ

ВЕЛИКОРЕЦКИЕ КРЕСТОХОДЦЫ

Владимир Николаевич Крупин родился в 1941 году в Вятской земле.

Окончил Московский областной пединститут в 1967 году. Первую книгу выпустил в 1974 году, но широкое внимание привлек к себе в 1980-м повестью «Живая вода».

Главный редактор журнала «Москва» в 1990–1992 годах. Сопредседатель Союза писателей России. Многолетний председатель жюри фестиваля православного кино «Радонеж». Первый лауреат Патриаршей литературной премии.

Живет в Москве.

ЗАПИСКИ ПАЛОМНИКА

Опять год прошел, опять мы вместе

Доехали по асфальту только до поворота. Свернули на проселок, сразу сели. Машину еле вытащили. Еще одну на трассе тормознули, перегрузили вещи и... тоже сели. Опять вытаскивали. Больше на колеса не надеялись, все навьючили на себя: еду и питье, лопаты, топоры и поплелись знакомой дорогой. Двенадцать километров. Грязища. Идем опять мы, как и ходили все эти годы: бригадир наш, крановщик Анатолий, и Толя, поэт, идут, работяги, два Александра, один с бородой, другой без, идет, опять же поэт, Леша, а с ним впервые идет сыночек-семилеток Ваня, инженер Володя, писатель и поэт Николай, молчаливый Леонид, он заикается, иду и я, аз, многогрешный. Год не виделись. Год, а как его и не было, этого года. Ибо главное в нашей жизни — Великорецкий крестный ход.

Уже и годы смешались в нашей памяти. Что в том году было, что в позатом, путаем. Да и не важно. Важно, что возрождается место, бывшее село Горохово, где крестный ход останавливается на длительное время — три часа. Тут и молебны, и погружение в купель, и набирание воды в дорогу из чудотворных источников.

Идем, идем. Тянет поклажа плечи, но душа ликует, сердце поет. А какой лес по сторонам, какие просторы! Но надо же отметить радость встречи. Как без этого? Русские же люди!

— Бригадир! — взываем мы. — Год не виделись! Ведь мы же фактически еще и не встретились! Ведь пока не грешно: крестный же ход еще из Вятки не вышел.

— А где присесть? — резонно отвечает он. — Мокрота же. Не отмечать же на ходу.

— А что особенного, — говорит Толя-поэт, — Хемингуэй работал

стоя и никогда не знал простоя. Вон лесок впереди. Под елочкой-то как хорошо.

Анатолий назидает, уводя в сторону:

— Маргаритушка прошла семьдесят раз, у меня посоха для зарубок не хватит. — У Анатолия на посохе зарубки, обозначающие количество крестных ходов. — Вот Ванечка сможет пройти много раз. Хорошо, что ты с этих лет пошел. Да, Иван?

Ваня пока стесняется говорить, жметя к отцу. Тот называет его мудрено:

— Дружище, отвечай: к тебе глаголют. Мы входили в веру через терния и потери, через сомнения, а ты можешь войти органически, через радость.

— Леша, от сына отстань, — советует Толя и говорит Ване: — Скажи папаше резко, Вань: «В такую грязь, в такую рань меня, папаша, не болвань». Ведь верно, Вань?

— Ой, ребёнки, — смеется Анатолий.

— Толя! — вскрикивает Саша. Подскакивает к Толе и достает у него из-под ног пестрого шмеля. — Шмелик какой хорошенький, красивый, мирное какое животное. Лапками умывается. Полетел!

На возвышенном месте посуше, идти полегче. Анатолий назидает:

— Кто без покаяния умирает, а паче того без отпевания, двадцать мытарств проходит. Весь мир будет их проходить. Что видим в мире? Беспредел, ужас! Что видим? Воровство, пьянка, разврат! — Он останавливается. — Ребёнки, мы так не дойдем. Надо акафист святителю Николаю читать. Крестный-то ход Никольский.

Передышка

Останавливаемся, снимаем с плеч груз. Читаем акафист святителю Николаю. Пытаемся даже петь, но иногда не очень согласно.

— Ничего. В прошлом годе так же, не сразу спелись. А вы, ребёнки, за зиму сколько хоть раз акафист читали?

— Чего с интеллигентов спрашивать? — вопрошает Толя. — Пойду солому поджигать.

Толя вообще поджигатель и разжигатель костров. Вскоре от оставленных груд соломы начинает идти густой серо-белый дым. Его ветром несет на нас. Задыхаемся, сердимся на поэта, он хладнокровно объясняет:

— Это дымовая завеса, я вас маскирую, скрываю. С самолета, чтоб не видно.

— От Бога ты нигде не скроешься, — наставляет Анатолий.

— Смотрите! — Толя весь озаряется. — Впервые такое вижу! Целое поле анютиных глазок! Да-а. Где бодрый серп гулял и красовался колос, теперь... — Запинается.

— Теперь простор везде и российские поля уже не рожают быстрых разумом Платонов, — привычно поддевает Леша.

— Вот у этого затона я прочел всего Платона, — отбивается Толя.

Оба Александра и Ваня рвут цветы. К иконе Казанской Божией Матери. Образ Ее сохранился в Горохове на стене колокольни.

Саша оцарапал палец. Толя, он врач, перевязывает:

— Тут операция нужна, тут надо обработать спиртом. Ты понял, бригадир? Тебе нужны здоровые работники или как? Я хирург. А хирург — это взбесившийся терапевт. — И снова подговаривается к выпивке: — Сжег я средь поля сырые снопы и только за стопку сойду со стопы. Нам не для пьянки, а чтоб форму не потерять.

— Лучше сойди со стопы и сядь, в ногах правды нет, — уклоняется Анатолий, — вся правда в Евангелии. Отдохнем и дальше пойдем. Молча. Каждый читай про себя молитву Иисусову.

Идем дальше

И в самом деле, много раз замечаешь на крестном ходу, что когда идешь и отвлекаешься на разговоры, то ноги тяжелеют, а когда идешь и молишься, идти сразу легче.

Шагаем. Дождя уже нет. Ветерок обдувает, сушит. Еще и то хорошо при ветерке, что он отгоняет от нас всяких крылатых насекомых. А когда ветерка нет, то и жарко, и комары, оводы всякие нападают, впиваются, пьют кровь. Место укуса долго потом зудит и чешется. Даже и лучше, когда бывает холодно. Тогда этих тварей нет.

Всякая погода бывала в эти годы, ведь уже скоро двадцать лет как ходим. И жарища египетская бывала, и холод. Да такой, что трава покрывалась инеем, а закрайки у реки Великой обледеневали. Всегда бывали и дожди, и град обрушивался. Но всегда и радуга выгибала небо. Иногда даже тройная. И всегда бывала радость. Этого не понять не верящим и не ходившим на Великую. Лупит град, крестоходцы голову закрывают, сами ликуют: так нам и надо, так нас, Господи! Накажи и прости!

И вот уже увиделась вдали гороховская колокольня. Плечи расправились, пошли повеселее. Радостно запели «Царю Небесный». Сил прибавилось. Знакомый пригорок, низина, кладбище, снова вверх. Дошли.

Пришли

В Горохове «обходим владенья свои». Купели, конечно, исчезли, смыты водополицей. Ничего, наладим, на то и посланы. У родника сделаны три трубы. Из двух льются хорошие струйки, из крайней к лесу чуть-чуть. С радостью пьем, умываемся — благодать! Вершинки леса осветились, это солнышко пробивается к нам сквозь тучи. У Саши прямо сияющее лицо.

— Толя, помнишь, в прошлый год ты не хотел погружаться в источник?

Саша напоминает случай из нашей жизни в прошлый крестный ход. Мы оборудовали купели и погружались по очереди. А Толя потерял образок святителя Николая и сказал, что это ему знак — запрещение. «Без него не пойду». Мы все осмотрели, обыскали — нет образочка. А вечером вернулись, глядим — да вот же он, над источником! Чудо!

— Да, — кряхтит Толя, — не очень-то я был рад этому чуду, боялся холода. Но... пришлось! Зато доселе жив! Перезимовал.

Соображаем, чем займемся в первую очередь. Потом во вторую и третью. Много надо успеть до прихода паломников.

Конечно, и работаем, и жизни радуемся, и о многом успеваем наговориться у костра.

Не надо умничать

— Мелко плаваем, — обобщает разговоры у костра наш повар.

Философ Лешка с поваром не соглашается, Лешка у нас всех начитанней, его никто не переговорит.

— Как это мелко плаваем! — возмущается он, сопровождая слова жестами длинных рук. — Значит, и вся мировая история мелко плавает? Мы же ее без передышки вспоминаем. Я всегда фундирую свои доводы.

Тут же вставляет шпильку насмешливый поэт:

— Хоть без мундира я, зато фундирую. Я твоими цитатами весь обсыпан, как пылью, я уже чихать начинаю.

— Это пыль веков!

— Которой ты, «от хартий отряхнув», учишь нас, да? Но история учит тому, что ничему не учит.

— Это тоже цитата!

— Которая устраняет твое умничанье.

Бригада сидит, отмахивается от комаров и знает, как они ни спорь — все равно последнее слово будет за бригадиром, которого выбрали или он самоназначился в начальники. Как он когда-то заявил:

— Самозванцев нам не надо, бригадиром буду я.

Повар нас окармливает в прямом смысле — стряпает еду, а бригадир и по работе распоряжается, и руководит утренними и вечерними молитвами. И в любом споре всегда прав будет только он. Он и неначитанный, он и не фундированный, но он — начальник. Никогда не спорит. Только слушает. Слушает, слушает да и скажет:

— Саша, дрова кончаются. — Или: — У источника две ступени последних недоделаны. Займись, Алексей.

Леша ворчит и смеет заявить, что умственная работа выше физической.

— Кто бы возражал, — отвечает бригадир. — Но копать ты будешь не головой, а руками. А лопата, запомни, помогает голове. Ну, если хочешь, копай с утречка. Или с у́тречка? Как произносить? Вам же, мозгачам, это важно.

— С рассвета. Не успеешь вздремнуть у лафета.

Это повар вставляет. Он умный, Лешка вообще ходячая энциклопедия, поэт Анатолий-Толя остер на язык, один Саша молитвенник, другой работяга, но всем и всеми командует вождь. Кого куда поставить, кому что делать, это все он. Вот и сейчас — распределяет на утро силы. Надо перетаскать огромный штабель кирпичей с того места, на котором этот штабель стоит, на другое место, где ему явно не место.

— Мы же его в прошлом году перетаскивали, — напоминают вождю главные трудники бригады, Александры и Леня. — На роднике же еще не доделано. И у купели забор надо восстановить? Надо! Мы и хотели туда. А с кирпичами провозимся полдня. Чем там они кому мешают?

— А я уже хотел украшением храма заниматься, вчера такую сирень отыскал! — восклицает самый молчаливый из нас, Саша.

Вождь долго и скорбно молчит, его всегда глубоко ранит наше непонимание его замыслов. Он смотрит сквозь нас в пространство, потом замечает и нас в пространстве и, вздохнув и взлохматив свою бородину, объясняет:

— Этот штабель портит вид. Как это можно не понять? Есть у вас чувство прекрасного? Ты же, Лешка, все о гармонии. Штабель негармоничен. Он у стены храма, искажает вид на архитектуру. Мировоззрение твое не оскорбляет? Придет крестный ход, что, крестоходцам на кирпичи взирать?

— Мешки на него положат, сумки, — защищаются Саша и Леня.

— Мешки, — повторяет вождь, — сидора! Походные ранцы! Рюкзак! А? Камера хранения?

— Чем тебе плохо? — не выдерживает Толя. — Да и кирпичи приготовлены для реставрации. Ну, бляха-муха, начальник называется! Нет, надо тебя переизбрать.

Лешка поддевает поэта:

— Опять, Толя, стремишься в начальники.

Повар встает, крестится, начинает благодарственную молитву после ужина:

— Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ, не лиши нас и небесного Твоего царствия.

Торопливо встаем, тоже молимся. Еще впереди вечернее правило и акафист святителю Николаю. Его поем каждый день: еще бы, ведь крестный ход посвящен обретению иконы святого Николая Великорецкого.

Саша собирает и моет посуду. Вождь, оскорбленный словами поэта, берет ведра и уходит за водой к источнику. Это далеко, метров триста. Значит, можно минут двадцать поговорить о нем. Это не осуждение, это обсуждение и рассуждение.

— Я не в начальство рвусь, а диктата не терплю, — говорит Толя. — Помните, как его выбирали? Сколько... лет уже пять? Давно, в общем. Сами говорили о беспрекословном подчинении. Боролись — напоролись. Говорили? Принимали его устав: «Вождь всегда прав, а если не прав, то помни, что он всегда прав».

— Тут я с тобой солидарен. Что он за папа римский такой, непогрешимый! — возмущается Лешка.

— Свой голос отдав, лишились мы прав. Нет, надо свергать это иго, до счастья осталось два мига, — говорит Толя. — Выберите меня, птицу счастья завтрашнего дня. Со мной будет весело. У меня будет закон: никого не заставлять. Хороший работник сам видит, что делать. Полезное! А штабель кирпичей — это как?

— А что же тогда послушание, что тогда смирение? — спрашивает повар. — Как в монастыре: любую работу делают и не рассуждают. Пошли в храм.

Леня спрашивает:

— Н-на акафист? В-все и-идем?

Леня заикается. И когда мы по очереди читаем молитвы, он стесняется того, что заиканием задерживает молитву. И даже просил, чтобы ему не читать, но повар настоял: «Кто тебя торопит? Читай как можешь. И заикание пройдет».

— Отцы послушники, — кричит Саша, — как благословляете? Акафист и вечерние сразу? Или вечерние после чая?

— После.

— Вождя же надо подождать.

— В церкви и подождем. — О, чтоб не забыть, хотел сказать, — добавляет Леша, — вот как слышатся где-то крики о глобализации, там обязательно масоны.

— Которые жрут круассоны? — спрашивает Толя. — Да что это такое: еще и на крестном ходу о масонах! Много им чести. По их души придут китайцы, им осень кусать хосеса.

Слышно, как наладилась считать годы кукушка. Всю ночь будет считать. Прямо как на работу выходит. Может, она всему человечеству подрядилась продлевать сроки жительствова? Нам-то, каждому, уже за эти годы обеспечила преклонную старость.

Как начиналось

Нашу бригаду, или артель, — как угодно — сдружил и сплотил Велико-рецкий крестный ход — это главное чудо вятской земли. Да разве только вятской? Уже идет этим ходом вся Россия, все зарубежье. Ходу свыше шестисот лет. Наши предки дали обет каждый год носить чудотворную икону святителя Николая из Вятки на реку Великую, туда, где она была обретена.

Выполняя этот обет, мы вместе с другими ходим с иконой много лет. Помним, как шло нас человек двести, все друг друга знали, а сейчас идет по пятьдесят и больше тысяч человек. Кто откуда. Вятских, в сравнении с другими, мало. Но вятские выполнили главное дело — сохранили крестный ход. Вот и наша бригада вся вятская. Все по происхождению сельские, то есть умеющие все делать: и копать, и пилить, и стены класть, и круглое катить, и плоское таскать. И на земле спать, и клещей не бояться.

Нашу бригаду уже давно батюшки благословили уходить заранее вперед, готовить встречу крестного хода в Горохове. Там на третий день пути большая остановка с акафистом святителю Николаю, с двумя молебнами, с погружением в купели, с общим обедом. Но ведь и купели, и обед надо кому-то приготовить. В церкви, пусть она еще без куполов, тоже прибраться.

Горохово было огромным селом: сельсовет, средняя школа, больница, но большевики и сменившие их коммунисты, ненавидя Православие, уничтожили его. В прямом смысле. Как фашисты. Жители были насильно изгнаны, переселены, а все избы, все постройки сожгли. Стребли бульдозерами в одно место и подожгли. Дым, как крик о помощи, восходил к небесам. И услышал Господь. Увидел наши малые труды и дал сил на дальнейшие. Диву сами даемся, что было и что постепенно становится. В прошлом году разбирали фундамент школы, поражаясь его размерам. Разбирали, потому что нужен кирпич для возрождения церкви. Ее тоже взрывали, но взорвать до конца не смогли.

Мы сидим у костра

Переночевали, день работали, измучились. Дождь остановил работу на плотине, и у нас получился отдых. Пришли к костру раньше обычного. У повара еще и обед не готов. Мы знаем, что бригадир, которого в шутку называем вождем, все равно что-нибудь да заставит делать, что-то придумает. Но пока он молчит. Усердно, залюбуешься, режет стельки из картонного ящика. Делает он это, как любое дело, с упреком в наш адрес: вот он не умеет сидеть без работы, а мы умеем. Но мы и молчать умеем, а он все равно молчать долго не будет. И точно.

— Работу надо видеть, — изрекает он. — Нас послали не на пейзажи пялиться, не чай распивать. Дрова всегда нужны. Топоры надо подтачивать. Так же и лопаты. А пила! А ножовки! У колуна топорнице расшатано. В домик нужно на двери занавеску, на окна сетки. Или вас комары не жрут?

— Есть же препараты, — говорим мы.

— Это химия, это убийство легких. Вы раз в году бываете неделю в лесу, и эту неделю тоже хотите дышать химией, а? Отвечайте. Вы хотите дышать химией? Я лично не хочу, я буду спать на улице. Из принципа.

— Ну и спи, — хладнокровно говорим мы.

— А стыдно не будет?

— С каких коврижек?

— Вы в доме, а человек на улице.

— Ты не человек, ты бригадир, — говорит поэт Толя. — Ты вообще даже вождь. Парни, давайте проголосуем за параграф: вождь, как папа римский, всегда прав. Есть предложение. Нет возражений? Все, командуй.

Такая наша голосовка устраивает бригадира. И он сразу находит, в чем нас сделать виноватыми перед ним и окружающим миром.

— Ваша химия убивает не только вас, но и комаров. А?

— И что?

— Младшие братья, вот что. Питание для птиц. А птицы уничтожают вредителей леса. Так же комары и мошки — корм для рыб.

— А рыб уничтожаем мы.

— Прошу без этих ваших поддевок.

— Поддевка — это из разряда одежды.

— Опять! На вашем бы месте я б разделся, хотя б до пояса, и выставил бы себя...

— На обозрение? Или на оборзение?

— На произвол кровососущих. Надо чаще помнить подвиги святых. Мы не святые, — назидает вождь, — но помнить надо. — После паузы он встает и просвещает нас на случай встречи с клещом. — Клещи сидят на краях веток у дороги, на самых кончиках листьев, и держат передние лапки вытянутыми и готовыми для захвата. Вот так.

Вождь полуприсел, выдвинул вперед крепкие руки с растопыренными, полусогнутыми пальцами и очень талантливо изобразил, как клещ ждет добычу.

— А я изображу жертву, — говорит Толя. — Буду проходить мимо, цепляйся. — Он в самом деле проходит перед вождем. — Почему не вцепился? Братья! Величие вождя я вижу даже в лекции о поведении клещей. Я шел как на параде, как мимо трибуны. Но на ней стоял не клещ, а вождь в виде клеща. В виде, сечёте? То есть голограмма клеща никак не могла наложиться на реального вождя.

— Ну, ребёнки, опять ваша демагогия.

— За стол, — зовет повар.

Сидим, пьем чай

— Милка сшила мне рубашку из крапивного мешка, чтобы тело не болело и не тумкала башка, — сообщает Толя, скорее всего, сочиненную им самим частушку. — Очень вятское выражение: «не тумкала башка». В каких еще странах и континентах до этого дотумкались?

Начинается турнир поэтов.

— Пятистопный ямб, — объявляет Толя. — Как поздно я, мой друг, на родину приехал, как дорого себе свободу я купил. Хожу-брожу в лугах, и нет ни в чем утехи, пустеет на полях: «октябрь уж наступил».

— Я знаю, чем отвечу, — говорит Анатолий. — Обращение апостола Иоанна к семи церквям. «Ангелу Лаодикийской церкви...»

— Прочтешь в церкви, когда пойдем на вечернее правило, — невежливо перебивает Толя. Встает. Он в тельняшке. — По колокольной гулкой сини, по ржанью троечных коней, как я тоскую по России, как горько плачу я по ней.

— А почему не четверочных, не пятерочных? — ехидно замечает Леша.

Ване это очень нравится. Он увлеченно перерубает ветки. Смотрит на отца восхищенно. Отец читает о монахе:

— Это пока не на бумаге, пока в голове.

— Так нельзя, — укоряет Анатолий. — Нельзя надеяться на память, она ненадежна. Душа, конечно, помнит, но она не пишет. Монах может и согрешить, но украсть не может, убить не может, не завидует, к экстрасенсу не пойдет. Это все отсекается. — Повару: — Надо еще свежий заварить, есть же чай, не война же.

Громко кричит коростель. Пасмурный закат. Анатолий:

— Ох, я в детстве убил коростеля, вот грех. С тех пор как услышу...

— Это его праправнук, он тебе отомстит за предка, — предсказывает Леша.

— Чего ж, заслужил. Он упал, я подобрал и заплакал: какая красивая птица была. Да-а.

— Сейчас-то не плачь, не надо, лучше наливавай, да помянем твоего коростеля, пухом стала ему земля, — говорит Толя, — а вятское название коростеля дергач, и ты, бригадир, не плачь.

— Песню знал, забыл, знаете, вот такие слова: «Наискосок, пулей в висок». Не знаете? — спрашивает Анатолий.

— И закопают в песок? — спрашивает Толя. — А мне дай стакан и съестного кусок. И вообще, я хочу напиток и куснуть, а потом уснуть.

— И чтоб темный дуб, который здесь не растет, склонялся над тобой и шумел? — спрашивает повар.

Толя находится:

— А вы-то на что? Вы же темные дубы, так что преклоняйтесь предо мной.

Леша уводит Ваню в домик спать. Закат краснеет. Идем в храм, в котором уже есть и крыша, и закрыты щитами окна. Свечи гасятся сквозняком. Читаем и правило, и акафист святителю Николаю. Картонные иконочки укрепляем на бывшей школьной парте. Около них Саша успел уже положить букетики анютиных глазок. Пламя на свечках мечется от сквозняков. Заходим в колокольню, читаем молитвы у сохранившейся на стене фрески трем святителям: Иоанну Златоустому, Василию Великому, Григорию Богослову. Вспоминаем, как тут по два лета ночевали. То-то намерзлись.

— А комаров было!

— Помните, дали нам прыскалку, мы друг друга с ног до головы обрабатывали? Лежим, чего-то дышать тяжеловато. Утром читаем на баллоне: «Обрабатывать в маске. После обработки проветрить помещение и не входить в него 15–20 минут».

Трудовые будни

Возвращаемся к костру. Закат перемещается к востоку встречать восход. Щедрый к ночи бригадир разливает, говорит Толе: «Пей первым, ты больше видел горя».

Ночью изжога, бессонница. Выходил. Так хорошо дышится. Светлая прохлада. Комары молчат. Скрипит коростель. Из домика выскакивает бригадир, хватает полешко и с криком: «Получай, фашист, гранату!» — швыряет его в кусты. Коростель рад такому вниманию, усиливает звук.

Под утро оживил костер, поставил чайник. Захожу в избушку с романсом:

— Утро туманное, утро холодное, вставай, бригада, вставай, голодная.

Толя, просыпаясь:

— Меня остаканьте, чтоб не думать о Канте. Я храпел?

— Храпели все, кроме тебя.

Идем к роднику. Роса, холод. Шли только умыться. Но пришли, стали работать. И вот интересно, то ли так рады встрече, то ли труд наш очень нужен для участников крестного хода, но здесь любая работа в радость, а не в тягость. «Нам денег не надо, работу давай, — это бравый бригадир. Меня гонит делать завтрак.

— Чай будешь заваривать, — наставляет он, — воду не прокарауль. До кипения не доводи. Слушай шум. Зашумит, как пчелиный улей, заваривай. Смородины добавь.

Иду через густо-зеленый луг с полянками золотых купавок, с ароматной белизной черемух. Поднимешь глаза — лес, ели как остроконечные шлемы древнего воинства. О, как весь год рвалось сюда сердце, и так хочется вновь надышаться еще на год.

Завтрак тороплив, некогда чай распивать, хоть и смородиновые: работы много.

За год купель истратилась, приходится заново восстанавливать. В нее лезут те, кто в сапогах, — Леша и Саша. Мы на подхвате. Ваня оказывается незаменимым. Бегают то за тем, то за этим к домику, помогает и мне. Моет посуду, да так, что за ним перемывать не надо.

У купели делаем бревенчатый настил на топком месте, ступени на склоне, перила к ним. Изготовили и устанавливаем арку при подходе к источнику. Над ней крест. Кто ходил на крестный ход, обрадуется новым свершениям; кто пойдет впервые, будет думать, что так оно и было. А пойдет неисчислимое море людей, и все будут погружаться в купель, набирать воду после водосвятного молебна.

Горбатимся, копаем, идет синяя глина, целебная, лечебная, но такая тяжеленная. Еще ходим за осинами, спиливаем, притаскиваем, разделяем по размеру. Не рассчитали, приходится опиливать. Но опилыши, чурбачки идут в дело: выкладываем ими подходы к источнику.

Дерево осина чем хороша? Не гниет. И вообще дерево замечательное, она же не виновата, что на ней Иуда повесился. И когда осина трепещет листочками, даже в ясную погоду, без малейшего ветерка, почему говорят, что она трясется от ужаса? Она жизни радуется! Осина неженка, осенью первая желтеет, краснеет, оранжевеет и так оживляет лес, опушки, что даже не страшно думать о близкой зиме.

Дно купели выстилаем ровными, тонкими осинками. Прижимаем их сверху срубом. Другая часть бригады прочищает дорогу к роднику. И в прошлых годах вначале прорубали, потом расширяли тропу, но людей идет все больше, нужна уже не тропа — дорога, улица в лесу. Ваня полюбил топор, очищает стволы осинки от сучьев.

— Дружище, — говорит отец Леша, — ты осторожней.

— Давайте все усыновим Ваню, все будем наставниками, — предлагает бородатый Саша.

Ваня уже освоился и смеется громче всех:

— Дядя Толя, вы правда сегодня не храпели?

— Нет, дружище, как глаголил бы твой папаша, это не я храпел, это просто ты крепко спал, — отвечает Толя.

— А кто меня ночью потащил? — спрашивает Ваня.

Тут мы все начинаем смеяться. Ночью именно я, проснувшись, захотел что-то под голову подложить. Пощупал: у стены телогрейка. Потянул ее к себе, а телогрейка как закричит. Это Леша укутал сына в телогрейку, уложил его за общим изголовьем.

— Ваня, — советует Толя, — будешь писать сочинение «Как я провел лето», обязательно в конце припиши: «Марья Ивановна, все было хорошо, вот только работать подушкой больше не хочу».

Ой, до чего же здесь хорошо!

Да, как радостно, что мы здесь! Тут мы молодеем, освежаемся телом и духом. И, как говорили древние, возгреваем православные чувства.

Готовлю обед, но решаю, чтоб сэкономить свое время для работ на источнике, заодно сготовить ужин. Кастрюль хватает, нанесли их за эти годы. Разошелся, начистил ведро картошки. И спохватился: кончилась картошечка, много на себе не притащишь. А ведро за обед и ужин скушаем. Еще бы, при такой-то работе на свежем воздухе какой у всех аппетит. Ничего, завтра перейдем на каши. Я уж знаю, кто какую любит. Крупы много.

Раскочегарили с Ваней печурку, крышки кастрюлек дребезжат. В самой большой закипает вода. Завариваем, как велено, смородиновым листом. И, конечно, еще и пачку листового.

— Ваня, ты и костровым был, и посудомойщиком, а теперь — ноги в руки, будешь посыльным. Аллюр три креста за работниками!

— То есть быстро бежать?

— Нет, надо еще быстро стоять и долго спрашивать.

Ваня помчался. А я тарелки, кружки, ложки на артельном столе приготовил. Хлеб нарезал. Идут мои братики. Саша сияет:

— Все цветет, все благоухает! А птицы! Рай! Рай! Ванечка, запомни!

— Продолжаю диктовать сочинение «Как я провел лето». В нем напишешь: «Я был в раю, там меня жрали комары и клещи, а в речке плавали лещи», — советует Толя.

— Стоп! — восклицает бригадир. — Раздеваемся! Немедленно! Надо это было сделать перед сном.

Бригадир совершенно прав, ибо клещи похожи на радиацию, их не видно, не слышно, но они есть. И вот — у Саши на шее, под бородой, клещ. Хорошо, рано хватились. Смазываем укус растительным маслом. Бригадир ниточкой обвязывает клеща и начинает потихоньку как бы выкручивать его из тела против часовой стрелки. Не дай бог, оборвется. Но все, слава богу, обошлось.

— Надо в баночку и на экспертизу, — говорит Саша без бороды.

— Много клещу чести. Экспертиза! Клещ и слова такого не знает, — говорит Толя. — Он уже не жилец, развяжите и отпустите.

Я стучу ложкой по кастрюле и возглашаю:

— Отче наш...

Читаем акафист, ставим крест

После обеда, перед новыми трудами, читаем акафист святителю Николаю. Поем все лучше. Умилительны наши молитвы. Саша всегда плачет и оправдывается: «У меня слезы сами текут и текут». Он старается всегда выбрать время, чтобы убираться в храм, выносить мусор, подметать пол. Пол, которого пока нет, — утоптанная земля. А что было-то! Все было завалено мусором, горами удобрений. Голыми руками выгребали. А запах какой шел от удобрений, молодым женщинам становилось плохо: аммиак. Но вятские старухи и тут не сдавались. Помню, меня поразило то,

что я собирал кучи битого стекла, ссыпал в старое ведро, и тоже голыми руками, и ни одной даже царапинки.

Молимся всемером, а будет так, что и места в храме не будет. Говорим о том, что крестный ход двинулся из Вятки. Знаем даже по часам, где они теперь. «К Бобино подходят». — «Нет, еще часа через два». У нас в Горохове будут послезавтра, часам к девяти утра. Выйдут из Монастырщины в три часа ночи.

Ставим крест между источником и купелью. Делали его из молодой сосенки. Снимали нежную подкорку, вспоминая это лакомство детства. И сейчас тоже в самый раз. Все в нас оживает. Особенно от воды источника. Ее хочется пить все время.

Чуть больше суток здесь, а кажется, живем тут давно.

Работаем, и комаров замечать некогда. А их тучи.

— Еще, Ваня, — советует Толя, — напиши в сочинении: «На крестном ходу меня удивляло то, что комары совсем не кусали старух, а кусали меня и девочек. Дядя Толя объяснил: старухи железные, а девочки живые, а это разная степень вкусности». И сообщи граду и миру, что одна девочка тащила с собой целый пакет всяких антикомаринов, дезодорантов и ее все равно жрали круглосуточно. Запомнишь?

— Запомяни, дружище, — советует Ване Леша.

Бригадир, как всегда, авторитетно просвещает:

— Комаров создал Бог для питания птиц и для обновления крови. Убавляется крови — начинают работать кроветворные органы.

— Комарихи любят пьяных мужичков, — в тон ему продолжает Толя. — Я же сам таков. Алкоголь входит в кровь, которую комары пьют. Балдеют, сами становятся алкоголиками, начинают на всех нападать, кусают даже машины и трактора. Ваня, запиши.

Опять мы промерились с длиной жердей для настила. Переделываем.

— Ничего, — утешает бригадир, — трудов напрасных нет.

— Есть бесполезная работа, сказал поэт, трудясь до пота. — Это Леша.

— Может, когда сюда и патриарх приедет, — мечтает Саша.

— Вначале архиерей, — решает Анатолий. — А я, братья, видел архиерея. Лично. Возил документы от храма на подпись. Батюшка говорит: меня могут не пустить, ты пройдешь. Прошел. Попросил благословения, подал прошение. И не забыть подпись его: одна треть страницы — это прошение, а две трети его подпись. А вот вы, умники, скажите, почему — меня спросили в приходе — у патриарха охрана, он ведь человек Божий, его Бог охраняет, почему?

— Да если б не было охраны, я бы первый стал его охранять, — заявляет Саша. — Столько сейчас психов, ненормальных, сектантов.

— Это не ответ. Его же Бог бережет.

— Так вот Бог и поставил охрану.

— Да, — восклицает Анатолий, — так мне и надо было ответить!

Ваня неожиданно спрашивает:

— А почему кружки после чая не надо мыть?

— Как так?

— Да, не надо, это я распорядился, — говорит вождь. — В немойтой кружке вкус нарастает. И вообще, в закопченной сверху и черной внутри кружке есть что-то партизанское, фронтовое.

Приходится соглашаться.

— Не мыть так не мыть, — говорит повар. — И в самом деле, есть же великая вятская пословица: «С грязного не треснешь, с чистого не воскреннешь».

— Это от Писания, — сообщает бригадир. — Фарисеи чаши очищают, а сами полны нечистот.

«И остолбенели мужики»

Выстилаем коротенькими бревёшками ступеньки к источнику. Решаем сделать и другой ряд ступенек. Чтобы по одному ряду спускались, а по другому поднимались, не мешая друг другу.

Как пролетел день, не заметили. И не присели ни на минуту, только-то и посидели, что за обедом. Очень много надо сделать, и чем больше делаем, тем больше остается. Надо заборчики у купели. И разделяющие мужчин и женщин, и укрывающие от любопытных. Надо вешалочки, какие-то крючки для одежды, надо полочки — все надо. Молчаливый Саша устраивает вешалки гениально просто: это сучья сосны с большим количеством сучков. Отчистил, приколотил — залобуешься. Такие бы в городскую квартиру.

Бригадир пишет номера на щепочках, переворачивает, предлагает брать. Это очередность погружения в купель. Ему достается первый номер. Тут по ходу работ, после жеребьевки, начинаются словесные упражнения на тему номеров, «и остолбенели мужики». Это Толя рассказал стихи, которые были к столетию вождя. Как не могли мужики расколоть чурку и как подошел к ним невысокий, лысоватый человек. «Развалил он чурку на поленья лишь одним движением руки. Мужики спросили: “Кто ты?” — “Ленин”. — И остолбенели мужики».

— За бревно схватились первый с пятым, и остолбенели мужики, — это Леша.

— За грудки схватились третий с первым...

— Не надо хвататься, надо дружить, — останавливает номер первый.

— Под бревно попали первый с третьим, и остолбенели мужики, — это Володя.

— Хлопнулся в источник номер первый, и остолбенели мужики, — это повар.

Толя элегически:

— В разгоне любви коростельной, в цветущем во лесе густом, коростелька осталась нестельной, первый номер повинен в том.

— Размер неважен в конце, — критикует Леша.

— Именно так! Неважен! А первый номер отважен. — Толя разошелся, говорит сплошь экспромтами. — Чай пили вечером прекрасным, а птички пели за горой, за бригадиров седовласых, за первый номер и второй. Ну что, остолбенели, мужики? Так рифмовать вам не с руки?

— Ой, ребёнки, — смеется бригадир, — умора с вами.

— Слово, речь — это словесная пища, — сообщает Толя, — мы ею питаемся и сами ее производим. Русская словесная пища требует приправ: анекдотов, юмора, острого словца, она одна такая. Почему мы победили? Как бы без «Теркина»? Почему бойцов ждали жены и невесты? Потому что стихи «Жди меня» читали, «Катюшу» пели. И гвардейский миномет тоже катюша. Неизвестно еще, какая Катюша сильнее была фашистов. Высокопарно я сказал, наверно...

— Но верно, — одобряет Леша.

Я спохватываюсь: ведь вечер, надо бежать к костру, разогреть ужин. Хорошо, много рыбных консервов. Но и их надо вскрыть и разогреть, смешав с остатками картофеля и каши.

За ужином бригадир вспоминает: «У нас есть палатка, можно в домике не задыхаться от духоты. Ставьте!»

Но до того неохота нам, уставшим, возиться с ее установкой, что мы с удовольствием внимаем экспромту поэта:

— Палатка — это не яранга, нам души горечью светло, но мы вернемся бумерангом сюда, в Горохово село. Раскинем мы свои постели под крик все той же коростели. И будет пухом нам земля под крик того коростеля. — И подкальвает бригадира: — Мятежный дух у нас не помер: бежит за птичкой первый номер.

Тут и Леша воспрянул:

— Вот номер первый сгоряча швыряет дротики с плеча. И племя зрит ему вослед: добыча будет или нет?

— Ой, ребёнки, — привычно смеется бригадир. — На следующий год привезу фузею двенадцатого калибра. Убивать не буду, поверх головы ему шаранху, он от страха голос потеряет. Но жить будет. Я в детстве взял у отчима двустволку, — он из Германии привез, — зарядил. Нарисовал на бане утку, прицелился и... больше ничего не помню. Очнулся в крапиве, ружье разорвано, утка наповал. Даже не крякнула.

Про царя Гороха

Но сегодня назревает нечто. Толя просит внимания:

— Нет ни еврея, ни арапа, ни грома с молнией, дождя, страшнее нет, ребята, храпа вчера подавшего вождя. Пока он всю округу мает таким звучанием своим, все племя грозно понимает: переворот неотвратим. И будет новая эпоха, другой устав, другой закон и что уже царем Горохом в Горохове не будет он.

— А кто вождь? — спрашиваем все мы. — Бригадир? Или он царь?

— Пока не знаю, — отвечает Толя, — но излагаю точку зрения: — Что такое бригадир? Говоря по-рабоче-крестьянски, бугор, шишка на ровном месте, говоря по-уголовному, пахан, говоря по-демократически, авторитет. Есть и жаргонное — бобёр. Приходит мужик к начальнику, в приемной секретарше: «Привет, киска, бобёр у себя?» Начальник его спрашивает: «Что ты можешь?» — «Могу копать». — «А еще что?» — «Могу не копать». Но и бобёр, и пахан, и остальное — все хило, не мило, уныло. Нужна яркость в названии. Кто он, наш любимый, все понимающий, во все вникающий, единственный, безальтернативный, ведущий за собой? Как, как его назвать? Главарь, атаман, закопёрщик, вдохновитель и организатор всех наших побед? Как? — Толя делает мхатовскую паузу. Мы молчим. — Имя ему я уже провозгласил в стихах. Цитирую из себя: «вчера подавшего вождя». Имя ему... как? Вождь!

— Мы и так давно считаем его вождем, но не было же общих демократических выборов. Пока он нелегитимен.

— Ну, ребёнки, — стесняется бригадир.

— А ты решил, что ты уже вождь? — вопрошает Толя. — По менталитету ты тянешь, а по харизме? Выбирать надо вождя, выбирать, а ты самопровозглашаешься. Самоидентифицируешься. Рановато презентуешься. Преждевременно себя вождем позиционируешь. Учи, Ванечка, иностранные слова, столь обожаемые либералами.

Бородатый Саша рассуждает:

— У нас бригадир больше как вроде завхоз. А вождь — понятие ранне- и средневековое плюс Ленин — Сталин. И как совместить?

— Сейчас надо не умничать, а раздеваться и осматриваться от клещей, — сурово говорит бригадир. — Клещ ползает два часа перед тем, как впиться. Два часа дано на его обнаружение. Надо слушать зуд.

— Племя в груди, слушай зуду, — тут же возглашает Толя. — Главный труд — слушать зуд. О, дождь, на плешь нам не плечи, по нам скитаются клещи.

И в самом деле, накрапывает дождик. Дождинки, падая на костер, как бы вспыхивают, вздыхают коротко.

Клещей на телах не обнаружено. Идем в храм на вечернее правило. Ваня не хочет идти спать, тоже идет с нами. Леша доволен сыном, сообщает:

— И души, и тела чисты, шагаем в церковь я и ты.

Толя:

— Я плакал около березы, и гас костер, приемля слезы.

Володя подсобляет свергать бригадира:

— Кто первым был, тот стал последним, но сохраняет нервы средний. Да, наши здесь ряды редки, остолбенеет, мужики!

В церкви еще настолько много трудов, но таких, что нашей бригаде не по силам. Не возвести же нам сорванный купол, не выложить уничтоженный алтарь. Это уже для профессионалов-реставраторов. Пока нам достается заслуженный нами дождь сверху и ветер отовсюду. Неуютно, но все равно — мы в церкви. Стоит над нами ангел-хранитель. Когда-то же здесь освящался престол, и молитвы, «яко дым кадильный», восходили к престолу Царя Небесного.

Зажигаем свечи. Кажется, только что читали это вечернее правило, а сутки пролетели. Они были длинными, но не как в городе, здесь время протяжнее. А все равно летящее. Еще три дня, и пойдем со всеми дальше, в Велюкорецкое. Завтра они выходят из Вятки. Представляем, сколько сейчас во многих семьях сборов-соборов, волнений. Еще поезда с востока и с запада, юга и севера в пути, везут в Вятку паломников. Они, конечно, выделяются среди других пассажиров. Но и другие тоже люди. Сегодня он глядит, как паломники читают перед сном молитвы, завтра и сам пойдет. Ибо тянутся души к светлым людям, которые добровольно идут на лишения и трудности.

Перед сном ходил за водой для утреннего чая. В лесу, наедине с собой, громко, не стесняясь своего плохого голоса, запел. Птицы смолкли. То ли испугались, то ли заслушались. «Настало время мое».

А у источника застал Анатолия. Вместе помолились около креста. Вспомнили, как его устанавливали. Постояли, слушая тишину, которую усиливало тонкое пение комаров.

Скоро снова в дорогу

Когда заканчивается крестный ход, уже думаешь о следующем. Прикидываешь, что надо взять, а что нынче не пригодилось, зря носил, то не надо. Становишься потихоньку опытным, незаметно меняешься. Но не меняется тяга к собратьям, к нашей бригаде.

Год на год не походит, так же и крестный ход. Каждый раз разный.

— А помните, составляли инструкцию для крестоходцев, но не записали, жаль? — говорит Саша. — Меня спрашивают, что взять, во что одеться.

— Тут главное — во что обуться. Пластыря взять против мозолей. И зеленки, она сушит. Носки запасные шерстяные. И чтоб синтетики ноль

целых, ноль десятых. Свитер. Голову чем прикрыть, — перечисляет бригадир. — Из еды — что полегче, меньше всяких банок. Изюм, он легкий и питательный. Горький шоколад. Сухари! Обязательно ржаные. Мелкие. Идешь, сухарик во рту как конфетка.

— Какие там инструкции! Раз пройти — и всему сам научишься, — заявляет Толя. — Главное — взять благословение. Взял и иди, иди, иди.

Нас всегда веселит воспоминание, как на одном из наших первых ходов пошла женщина в годах, а ее батюшка не благословлял. И она сильно занемогла. Упала. Что делать? Тогда никаких врачей с нами не шло. Бросать нельзя. Надо тащить. Сделали носилки. А чтоб ее нести, нужно восемь мужчин. Несут по четверо, меняются. И вот ее уложили на носилки, пошагали. Она кричала на весь лес: «Ой, простите меня, дуру старую! Ой, бросьте меня! Ой, закопайте!»

— Кайся, кайся, — говорил батюшка. — Не ухаживали за тобой враз восемь кавалеров, вот на старости лет порадуйся. Им-то во спасение, тебе за непослушание во грех.

И когда мы вспоминаем этот случай, то вспоминаем и то, что на Великой она исповедалась, причастилась и обратно шла со всеми, своими ногами. Но уже взял благословение.

В распутицу

Под холоднющим дождем пришлось идти и в этот раз. Думали, машина довезет. И опять же забуксовала. Вытаскивали. Еще попытались ехать, вообще сели. Снова вытаскивали. Все в глине. Дождь хлещет. Вещи разобрали, надо идти.

— Господь труды любит, — говорит вождь. — А вы комфорта хотели. Как Маргаритушка говорила: грешить-то погоду не выбирали.

Никто иначе и не думает. Не идем, а ползем. Не до разговоров. Усталость полезна. Молитва усиливается. Отдых под деревом. Знаем, в вещах не только продовольствие, топоры, лопаты, пила и гвозди, но и лекарство от простуды. Молчим. А как вождь? Молчит. Спасает поэт:

— Глас вопиющих из-под ели вождь слышал. Только еле-еле.

Вождь, выдержав мхатовскую паузу, отмеряет по полпорции. Читаем «Отче наш». Малостью подношения не оскорбляемся. Это только начать. И поэт вскоре:

— Таким людям нельзя не восхищаться, когда с имьям я вынужден общаться.

Вождь ценит поэзию, наливает. Да и нести будет полегче, груз уменьшается.

— Между первой и второй перерывчик небольшой, — сообщает он. — Это научно доказано, потому что процесс гидролиза начинается в организме в первые минуты принятия дозы, и надо ему помогать.

— А чтоб между второй и третьей пуля не пролетела, — это, конечно, поэт.

Как в дом родной пришли

В Горохово, как всегда, доползли измученные. Сразу видно, что после и этой зимы снова все заилилось, ступени к источникам размывы, подходы к купели заросли. И это за один год. А когда пятнадцать лет назад,

после пятидесятилетнего запустения, тут прорубались, пропиливались, каково было? Нет, нынче все фруктово. Хотя пришли, конечно, уставшие. Может, ради первого дня посидим у костра? Да где там с нашим вождем!

Костер, конечно, запылал — моя работа, они пошли — начинать что-то делать — к источнику. Праздничный обед — салат, картофель с тушеной, гречка, чай-чаек-чаище с медом — обеспечу за два часа. Тушенку надо съесть сегодня, так как завтра начинаем поститься перед причастием.

Завтра вдобавок будет парадная гороховица в Горохове. Леня каждый год приносит мешочек отборного крупного гороха. Замачиваю в котелке.

Все! Кастрюли, большая и маленькая, в горячей золе, огромный чайник закипел, и чай заварен, тарелки, ложки, вилки разложены, кружки расставлены. Где народ? Иду за народом. А народ разработался. Включаюсь и я. Но мне же хочется, чтобы братья горяченького поели.

— Отец Анатолий, благослови на сегодня шабашить.

Разгибается:

— Запиши: «Тот зря прожил жизнь, кто не был на Великоорецком крестном ходе».

Идем к костру. Радуга над храмом, он под ней как картина на выставке в полукруглой раме. И вдруг — глаголы небесные: долгий тихий гром.

Да, все мы, все будем с тоской и радостью вспоминать праздник Великоорецкого крестного хода. Да, праздник. Он, как и пасхальная Светлая седмица, недельный.

— Братья! Мы знаем, что такое рай: мы каждый год неделю живем в раю.

Передай по цепи кирпич

Каждый год много надо делать. Особенно нынче: перетаскать штабеля старых кирпичей. Мы же в прошлые годы их выкапывали из фундаментов бывших зданий, село же было. Сложили, погордились, а вот, оказывается, штабеля не на том месте. Записка от реставратора Андрея: «Перетаскать ближе к колокольне». Кирпичи старинные, большие, сырые. Друг друга осаживаем: «Не бери враз больше четырех». Идешь — руки оттягивает. Тогда умная чья-то голова: «Давайте в цепочку встанем». Встали. Передаем из рук в руки. Дело пошло! Да еще молитвы запели. И ожили. И когда меня стали гнать, чтоб я шел еду готовил, мне из цепочки уходить не хотелось.

Камо грядеши?

— Мы идем! Куда идем? Как куда? Вы не поняли, что ли? Идем в Царство Небесное, в Русь Святую! — это возглашает вождь.

Лежим на берегу Грядовицы. Привал перед большим переходом. Силы в организмах остались только у языков. Леня встает, перешагивает через нас. Леша тут же:

— Гениальная нога: три поэта — три шага.

Толя сразу:

— Любая рифма просто гнида пред совершенством Леонида.

Боря:

— Перешагнуть поэтов просто, когда лежат они по росту.

Коля:

— Труп комара застрял над бровью. Он сдох, моей упившись кровью.

Толя:

— Скажу вам покамест, пока я не стар: хороший комар — убитый комар.

Повар:

— Я не мечтаю ни о ком, когда иду я босиком.

Коля:

— Ботинки выбросил писатель, он был стопей своих спасатель.

Леша вернулся:

— «Впереди Медянский бор, — раздается грустный хор». — «А который сейчас час?» — «Двадцать пять минут доходит двенадцатого».

Встаем. Чуть ли не хором сокрушенно:

— Много болтаем. Каемся, братцы. Очень пора нам уже исправляться.

Нельзя думать, что мы такие разговорчивые во время хода. Нет, идем молимся. Есть за кого молиться, есть. За родных, за Вятку, за матушку Русь.

Впереди поднимают иконы, хоругви. Встаем. Краткий молебен. Пошли.

Критика вождя

— С народом будто бы братаясь, наш трезвый вождь ходил шатаясь, — поддевает Толя.

Вождь первый смеется. Сел на чурбак. Толя:

— О, мы испытываем дрожь при виде царственного трона. Внемли — сидит вчерашний вождь. И где теперь его корона?

Вождь пересел на доску. Толя тут же:

— Во взгляде мудрых глаз тоска, опять творим себе кумира. Сиденье — жесткая доска. Вот так проходит слава мира.

Повар добавляет:

— Сик транзит gloria мунди, что значит: «слава позади!» О нет! Нас, слава, не покинь: уже поет вождя латынь.

Коля накрывает чурбак лопухом:

— Не садиться! Для таблички пригодится: «Седалище вождя не боится дождя».

Толя:

— И на ее открытии выпьем, а все, что мешает, выпнем.

— А ч-чего жд-дать от-крытия? — заикается Леонид.

Коля элегически:

— Собьет росу идущий впереди. У лидеров особая порода. Но даже и великие вожди мельчают без великого народа.

Толя гнет свое:

— Спивался быстро коллектив, он требовал аперитив. Вы поняли? Спивался это как спевался. Не выпивка, а спевка.

То есть надежда по полпорции еще до ужина. Имеем право: день пахали под дождем, не разгибаясь. Вождь, якобы не слыша Толю, поет:

— Климат, мама, северный, холодный, а я хожу в дырявых сапогах, — и в самом деле снимает сапог, переворачивает, выливает желтую воду.

Работали в низине, у родника. Сушим мокрые рубахи.

Леша:

— И я демонстрирую! — Показывает совершенно измочаленные кроссовки.

— Братья, не занимайтесь бытом, — пресекает их жалобы Толя. — Наш вождь не тот, кто пляшет польку, а тот, кто сбегал в монопольку.